

18+

Гэмлин Гарленд

Обитатели высоких троп

Американская классика XX века

Гэмлин Гарленд

**Обитатели высоких троп.
Американская классика XX века**

«Издательские решения»

Гарленд Г.

Обитатели высоких троп. Американская классика XX века /
Г. Гарленд — «Издательские решения»,

К сожалению, русскоязычный читатель почти не знаком с творчеством Гарленда, хотя он оставил значительный след в истории американской литературы. Данный сборник ставит своей задачей исправить эту несправедливость. Впервые на русском.

Содержание

Анатомия американского Запада	6
Человек, который брал припасы в долг	8
I	8
II	12
III	13
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обитатели высоких троп Американская классика XX века

Гэмлин Гарленд

Переводчик Павел Соколов

© Гэмлин Гарленд, 2026

© Павел Соколов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-1501-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатомия американского Запада

Лауреат Пулитцеровской премии 1922 года Гэмлин Гарленд (1860—1940) в своем сборнике «Обитатели высоких троп» (1916) создает панораму американского Запада, лишенную дешевого романтизма и бульварной авантюристичности. Его Скалистые горы, шахтерские лагеря и бескрайние прерии — это не просто экзотическая декорация для приключений, а суровое нравственное горнило, в котором переплавляются человеческие души. Читая эти рассказы, невозможно не провести параллель с другим титаном литературы о Севере и Западе — Джеком Лондоном (1876—1916). Оба писателя помещают человека в экстремальные условия дикой природы, заставляя его обнажать истинную сущность. Однако если у Лондона природа чаще всего выступает как безразличная космическая сила, арена для эволюционного отбора и биологической борьбы за существование, то у Гарленда суровый ландшафт становится пространством социальной и этической рефлексии.

У героев Лондона, оказавшихся в лесах или на золотых приисках, на первый план выходят первобытные инстинкты, животный ужас и воля к жизни. Природа Лондона величественна и равнодушна. У Гарленда же природа наделена памятью и моральным весом. В рассказе «Одинокий человек» ледяное высокогорье и изоляция становятся физическим воплощением отчуждения героя от человечества. Пик Солидор не просто давит своей массой — он служит немой судьей для беглеца, чье прошлое настигает его в глуши. Здесь дикая природа выступает катализатором человеческой совести, местом, где невозможно скрыться от самого себя. Точно так же в «Старателе» горы хранят трагическую память о вытесненных индейцах, а погоня за призрачным золотом оборачивается осквернением святынь и смертью. Золото у Гарленда — это не символ свободы или независимости от цивилизации, а слепая, разрушительная страсть, которая разрывает хрупкие связи между людьми.

Тем не менее, Гарленд не был бы собой, если бы, обнажив алчность и жестокость пионеров, не противопоставил им целительную силу простой, заземленной любви и верности корням. Пока персонажи Лондона часто остаются один на один с бездной, герои Гарленда находят спасение через возвращение к человеческому теплу. Вдова Мэгги из рассказа «Человек, который брал припасы в долг» своим прагматичным, но глубоко материнским отношением спасает старателя Шерма от безумия, вызванного внезапным богатством. В «Арендаторе» Эд Хэтч, пройдя через горнило шахтерского труда и накопив состояние, в итоге понимает, что истинной наградой является не золото, а возвращение к родному порогу и любовь Нэнси. Запад у Гарленда разрушает тех, кто гонится за иллюзиями, но спасает тех, кто сохраняет связь с землей и семьей.

В рассказе «Подмастерье» изнеженный англичанин Лестер оказывается раздавлен и переплавлен суровой правдой ранчо. Его высокомерие разбивается о грубую, но искреннюю жизненную силу Фан. Это перекликается с мотивом «возвращения к истокам» и критикой декадентской цивилизации у Лондона, но у Гарленда нет ницшеанского уберменша. Его западный герой — это человек долга, чья мораль куется не в светских салонах, а в седле и у походного костра. Босс ковбоев Рой Пирс проходит путь от безответственного хулигана до зрелого мужчины именно благодаря столкновению с хрупкостью жизни и пробуждению чувства ответственности.

Сборник «Обитатели высоких троп» — это реквием по ушедшей эпохе и одновременно гимн стойкости человеческого духа. Если Джек Лондон воспевал торжество жизни над смертью в объятиях дикой природы, то Гэмлин Гарленд исследует, как эта самая природа формирует социальную и нравственную ткань нации. Его Запад — это не просто географическая точка на карте Колорадо или Дакоты. Это состояние души, где каждый, будь то беглец, старатель,

ковбой или арендатор, в итоге находит либо свою могилу, либо свой дом, доказывая, что даже в самых суровых условиях человек остается человеком.

К сожалению, русскоязычный читатель почти не знаком с творчеством Гарленда, хотя он оставил значительный след в истории американской литературы. Данный сборник ставит своей задачей исправить эту несправедливость.

Павел Соколов

Человек, который брал припасы в долг

I

— В стране Сьерра-Бланка есть золото — это все признают, — говорил Шерман Ф. Бидвелл, когда вдова Делани, державшая ресторан «Дворец домашней кухни» в городке Делани (названном в честь ее мужа, старого Дэна Делани), вошла в столовую. Миссис Делани остановилась с тарелкой дымящейся картошки, и ее лицо превращалось в маску презрения, когда она обращалась к компании, но слова ее были нацелены особенно на Бидвелла, который только что вернулся из долины, чтобы возобновить свои поиски в ущелье.

— Легко говорить, что золото есть в этих холмах, но когда ты его найдешь, радуга станет удочкой. — Передавая картошку над головой Бидвелла, она продолжала: — Разве Дэн Делани не свернул свою проклятую шею, лазая по высоким местам вдоль ручья — и всё без толку, включая этот самый несчастный случай? Вы, мужчины, можете трындеть да трындеть, но разговоры не оплатят картошку и бекон, запомните это. Восемь лет я здесь, и мне сегодня хуже, чем когда-либо прежде — а город, что это такое? Два салуна и пансион — и ни тонны руды не добыто — не то что отправлено дальше. Твои громкие слова землю не роют, я думаю, Шерм Бидвелл.

Бидвелл был человеком с мягким голосом, который ходил немного боком, всегда опустив глаза в землю, словно постоянно выискивая куски обломочной руды. Он ответил своей хозяйке с некоторым пылом:

— Я шастал по этим горам с тех пор, как вернулся из Калифорнии в пятьдесят четвертом, и я знаю хорошие породы. Не могу вот прямо сейчас ткнуть киркой в жилу, но должен скоро найти, потому что старею. Подумайте только, обломочная руда — она повсюду — и вы знаете, что в каждой песчаной отмели есть золотые знаки? Где-то поблизости должна быть коренная порода.

Вдова фыркнула.

— Ха! Да, обломочная руда! Мои подоконники завалены грязной обломочной рудой — но где золото?

— Я найду его, миссис Делани — но вы должны быть терпеливы, — мягко ответил он.

— Терпелива! Я, терпелива! Иов был жалобным мельничным колесом рядом со мной, Шерм Бидвелл. Мои постояльцы сократились до пяти человек, и ты один из них — и вот ты снова просишь припасы в долг, чтобы идти в горы пикники устраивать. Я знаю твой гладкий язычок — конечно, знаю — но на этот раз ты наткнулся на мою решимость, мой принц. Ты не получишь ни фунта мяса, ни меры муки от Мэгги Делани...

Бидвелл сидел с видом смиренной христианской добродетели, пока вдова изливалась. По правде говоря, он уже слышал эти точные слова раньше — и возмущался только потому, что те были произнесены публично.

Другие постояльцы молча закончили ужин и вышли, но Бидвелл задержался, чтобы утешить хозяйку, пока она сама ужинала за запятнанным и заваленным столом. Керосиновая лампа стояла близко к ее тарелке и подчеркивала румянец ее щек и углубляла синеву ее глаз до фиолетового цвета. Ей еще не было сорока, и она хорошо сохранилась для своих лет.

Бидвелл бросил на нее застенчивый взгляд.

— Мне нравится тебя тормозить, Мэгги, дорогая, это делает тебя красивой, как девушку.

Она схватила буханку хлеба и запустила в него. Он ловко поймал ее и простодушно осведомился:

— Это первая часть моих припасов, а, девушка?

— Нет! Это последний кусок, который ты получишь от меня. Вон отсюда! Припасы, как же! Ты уйдешь этой ночью, мой молодчик!

Бидвелл встал в притворном испуге и поплелся к двери.

— Мне много не надо — пару мешков муки...

Она подняла руку.

— Бродяга!

Он захлопнул дверь как раз вовремя, чтобы чашка не влетела прямо в его смеющиеся глаза. Помолчав мгновение, смеясь про себя, и подмигнув мужчинам в конторе, он снова открыл дверь и сказал:

— Ты добросердечная, красивая леди, Мэгги. Две полоски бекона...

Приглушенный крик и грохот заставили его снова захлопнуть дверь и ретироваться.

Вернувшись на середину комнаты, он достал трубку и начал набивать ее. Один из младших товарищей сказал:

— Ты получишь эти припасы прямо в глаз, вдова сегодня опасна.

Шерм, казалось, не слишком обеспокоился. Раскурив трубку, он достал из кармана кусок породы.

— Что думаете об этом? — спросил он небрежно.

Другой с жадностью осмотрел его и воскликнул:

— Елы-палы! Вот это да! Оно ж просто прогнило от золота. Где ты это нашел?

— Там, в горах, — был спокойный ответ, — новая жила — высоко.

Третий мужчина взял породу и добавил:

— Эта жила должна быть низко — это не может быть с высоты. Мы идем по ложному следу. Вспомните Крипл-Крик — моя шахта прямо под травой на холмах. Меня не проведешь.

— Но мы знаем, что жилы высоко — мы их видели, — возразили другие мужчины.

— Да — но это другие жилы. Эта порода идет снизу.

— Что скажешь на это, Шерм?

— Одна догадка не хуже другой, — ответил он и отошел с куском руды.

— Старик сегодня вечером очень уж хитер. Интересно, действительно ли он выследил эту обломочную руду до конца. Скорее я думаю, что он нас разыгрывает.

Бидвелл вышел на край ущелья и долго сидел на камне, слушая рев стремительного потока и глядя на вершины, которые всё еще были покрыты тяжелым желтым снегом, испачканным неосязаемой пылью, которую зимние ветры соскребли с обнаженных скальных уступов. В каньоне было холодно, и старик дрожал от холода, а также от чувства уныния. Двадцать лет он регулярно спускался зимой в долины, чтобы заработать деньги для летних поисков — и всё без толку. В течение многих лет Маргарет Делани была его неизменной опорой в трудную минуту, и теперь она порвала с ним, и под маской его улыбающегося неверия он носил глубоко встревоженную совесть. Его благодетельница была настроена смертельно серьезно — она имела в виду каждое свое слово — он это чувствовал, и если эта дама не сменит гнев на милость, он пропал, потому что на этот раз вернулся из долины без единого своего доллара. У него был большой, сильный мул, несколько одеял и седло — и ничего больше.

Ветер становился сильнее и резче, ревя в ущелье дыханием вершинных снегов, и кровь человека взывала к огню (июнь стоит близко к зиме в высоких хребтах Кристонес), и наконец он зачоченело поднялся и вернулся в маленькую гостиную, где застал вдову в разгаре спора со своими постояльцами, доказывающую, что они все вместе дураки, поскольку цепляются за склон горы, в которой золота не больше, чем в утюге или куске угля — это уж точно!

— Что вы собираетесь делать с нашими пробами? — спросил молодой Джонсон.

— Пробами, да? Любой может сделать пробы — если заплатит цену. Вы все ленивые собаки на сене, вот вы кто. Вы делаете пробы и хотите, чтобы кто-то другой платил вам за привилегию работать. Почему вы сами не работаете — вы, бездельники? Сидите здесь, ожидая,

что кто-то другой налопатит золото в ваши шляпы. Вы заплатите мне за постой — запомните это, — закончила она, применяя свои теории лично, — каждый из вас.

Если в сердце Бидвелла и теплилась какая-то решимость, она растаяла, когда он слушал гортанный голос и простые, резкие слова миссис Делани. Робко открыв дверь, он вошел и, не глядя на рассерженную женщину, схватил свои узлы, лежавшие за дверью.

Голос вдовы зазвенел:

— Куда это ты собрался с этими мешками?

Бидвелл выпрямился.

— Это мои узлы, я полагаю. Разве человек не может делать со своим добром, что хочет?

— Не когда он должен за постой. Положи эти узлы!

Грешник вздохнул и сел на узлы. Даже молодой Джонсон потерял желание смеяться, потому что Бидвелл выглядел в этот момент жалко старым и удрученным, когда тот мягко спросил:

— Ты бы не выгнала человека в ночь без его одеял, не так ли?

— Я бы отправила подлеца в чистилище — если бы могла. Ты думал ускользнуть, да? Хорош, старый!

Бидвелл был задет.

— Если бы я планировал улизнуть, я бы не вошел в комнату, когда ты стоишь посреди зала, — ответил он с некоторой твердостью. — Ты приказала мне убираться, не так ли? Что ж, я ухожу. Я не могу заплатить тебе — ты знала это, когда велела мне идти — и я должен тебе много — признаю это — но я заплачу. Но мне нужно немного времени.

Другие мужчины, с благодарным чувством такта, встали и вышли, оставив Бидвеллу свободу оправдаться в глазах рассерженной хозяйки.

Когда дверь захлопнулась за последним постояльцем, вдова подошла и дала Бидвеллу подзатыльник.

— Слезай с этих узлов. Садись на стул, как человек, а не сиди на корточках, как бабуин. — Она швырнула его узлы через открытую дверь в маленькую спальню. — Ты помнишь, где твоя кровать, надеюсь! Не знаю, что бы Дэн Делани сказал мне за то, что я привечаю и кормлю таких, как ты, но я сделаю это еще одно лето — а потом ты улетишь. Слышишь это теперь!

И она с такой силой захлопнула дверь, что слетела ручка.

Бидвелл вошел, тихо закрыл дверь и лег в постель, ошеломленный этой внезапной переменной погоды.

«Она и раньше смягчалась — и удивляла меня, — думал он, — но никогда так чертовски внезапно, как сейчас. Надеюсь, она не больна или что-то в этом роде».

На следующее утро за завтраком Мэгги была само радушие. Буря предыдущего вечера сменилась ярким солнечным светом. Она игнорировала все подмигивания и толчки локтями среди своих постояльцев и не постеснялась указать Бидвеллу на самое лучшее печенье на тарелке и передать ему самый жирный кусок бекона, все это он принял без ликования.

— Старый Шерм, должно быть, один из этих гипнотизеров, — сказал Джонсон, когда они раскуривали трубки в гостиной. — Он обратил вдову в добавочную порцию. Он получит свою муку и бекон, будьте уверены!

— Еще бы, и все остальное, что захочет. Удивляет меня, что она находит в этом старом ползуне.

— О, Шерм не так уж плох, будь у него приличное снаряжение.

Бидвелл был глубоко тронут снисходительностью Мэгги и излил бы свои чувства в лучших выражениях, какие знал, но вдова остановила его.

— Лучший способ поблагодарить меня — это выскочить и выследить эту обломочную руду. Если она там, найди ее. Если ее там нет, прекрати поиски, потому что ты седой человек, Шерм Бидвелл, и я уже не та женщина, что была восемь лет назад.

В порыве воодушевления Бидвелл встал, и плечи его расправились, когда он произнес:

— Я пойду, Мэгги. Если я найду золотишко, то вернусь и женюсь на тебе. Если нет — я оставлю свои никчемные старые кости в горах.

— Ах, иди ты! Не будь сумасшедшим дураком! — воскликнула она, но лицо ее зарделось от удовольствия при искренности его тона. — Ты давал такие обещания каждый раз раньше.

— Знаю, что давал, но сейчас я серьезно.

— Ага! значит, вот оно что — раньше ты не серьезно? Это ты говоришь?

Его гордая поза рухнула.

— Ты знаешь, что я имею в виду — просто ты такая мучительница, маленький чертенок.

— Спасибо за комплимент, мистер Бидвелл.

Он повернулся.

— Я иду за стариной Навуходоносором, — сказал твердо старик. — Я не могу тратить время на пустоголовую женщину...

— Вон отсюда, пока я не проломила твою паршивую башку! — парировала она.

Час спустя, навьючив своего мула провизией, одеялами и инструментами, он двинулся вверх по тропе. Другие мужчины стояли, глядя, как тот уходит, сгорая от любопытства, но воздерживаясь от вопросов.

Вдова даже не выглянула из двери, когда ее должник исчез.

II

Три дня спустя Бидвелл крадучись спускался по тропе, ведя мула как можно тише. Он рассчитал время так, чтобы миссис Делани была на кухне одна с китайцем, готовя посуду к завтраку.

— Кто там? — крикнула вдова, когда он тихо постучал.

— Я, Шерм, — ответил он.

— Святые небеса! В чем дело? Ты заболел? — ахнула она, распахивая дверь.

— Тсс! Не говори так громко, — приказал он. — Сядь, я хочу поговорить с тобой торжественно.

Его тон глубоко поразил ее.

— Ты напал на жилу? — спросила она дрожа.

— Я еще не нашел его, но хочу сказать тебе — кажется, у меня было предчувствие. Отошли китаёзу.

Что-то в его тоне остановило все насмешливые слова на ее устах. Велев китайцу идти спать, она повернулась и спросила:

— Что ты имеешь в виду? Говори же!

— Ну, сэр, когда я начал подниматься по тропе, что-то все твердило мне: «Шерман, ты на ложном пути». Это было точно так же, как если бы ты дергала меня за рукав и подталкивала и говорила: «Сюда!» Я не мог спать ту ночь. Я просто лежал на земле и размышлял. Там, высоко — ужасно высоко — есть прожилки руды — я знаю это — но они в граните, и до них трудно добраться. Это один золотой пояс. Вложить деньги в шахту там можно, но нужны деньги, чтобы ее получить. Но есть и другой золотой пояс, примерно здесь — или даже ниже — и я только что пришел к выводу, что наша шахта, Мэгги, находится здесь, в предгорьях, а не на старой Бланке.

Атмосфера таинственности, которая окутывала и преображала человека, подействовала на женщину. Ее глаза широко раскрылись.

— Это было похоже на голос?

— Нет, это было больше похоже на толчок. Казалось, что-то тянет меня перейти ручей там, где я нашел тот кусок порфириовидного известняка. Я не мог спать и вторую ночь — и я сидел в лагере там, в Бурро-Парк, пытаюсь всё это осмыслить. Мне не хотелось сдаваться и возвращаться — я боялся, что ты подумаешь, будто я сдаюсь — но я ничего не могу с собой поделаться. Теперь я скажу тебе, что собираюсь делать — я разобью лагерь на северной стороне ручья. Я не хочу, чтобы парни знали, куда я ушел, но я хотел, чтобы ты знала, что я делаю — я хотел, чтобы ты знала — это совершенно призрачно — меня это напугало.

Она прошептала:

— Может быть, это Дэн.

— Я думал об этом. Мы с ним всегда были хорошими друзьями, и он всё время был у меня в мыслях.

— Но погоди, Шерм, может быть, это дьявол ведет тебя сломать себе шею, как Дэн. Ведь он упал именно там.

— Ну, я тоже думал об этом. Это либо Дэн, либо дьявол, и я собираюсь выяснить, кто именно.

— Да хранят тебя святые! — сказала вдова, все ее суеверные страхи пробудились. — И если это Дэн, он уж точно будет добр к тебе ради меня.

III

Сьерра-Бланка — это огромная трехглавая башня, стоящая у южного изгиба горного хребта Сангре-де-Кристо. Это массивная, но симметричная гора с тремя пиками, столь близкими по высоте, что центральный купол кажется самым низким из всех, хотя на самом деле его высота составляет четырнадцать тысяч четыреста восемьдесят футов над уровнем моря. На западе и юге эта огромная масса поднимается с плоского, сухого дна долины Сан-Луис плавными, изогнутыми линиями, и низкорослые сосны покрывают эти нижние склоны, словно мантия бронзово-зеленого цвета.

На высоте восьми тысяч футов над уровнем моря эти плавные линии становятся ломаными. Низкорослые сосны уступают место огромным соснам и пихтам, и мрачные каньоны начинают разверзаться. Именно здесь, там, где травянистые холмы начинали переходить в суровые стены, Бидвелл разбил свой лагерь у небольшого ручья, впадающего в Медвежий ручей к югу. Из этого лагеря он мог далеко смотреть на фиолетовое и золотое пространство долины и видеть, как поезда проносятся, словно быстрые и чудовищные драконы. Он также смутно видел огни Лас-Анимас, и это заставляло его прятать свой собственный костер.

Каждый день он выезжал верхом, огибая скалы, исследуя каждый кусочек породы, на котором виднелось малейшее минеральное окрашивание. Ни минуты светового дня не тратилось зря на эти поиски. Его таинственный проводник больше не касался его, и это он счел благоприятным знаком. «Я близко», — шептал про себя.

Однажды он привязал своего мула к маленькой сухой сосне у подножия крутого обрыва и карабкался на вершину, когда камень, сдвинутый его ногами, упал, отскочил, ударил мула в бок и так напугал животное, что тот вырвал дерево и убежал.

Рассерженный и упавший духом (потому что был голодным и уставшим), Бидвелл спустился и начал выслеживать мула по направлению к лагерю. Дерево вскоре помешало беглецу и остановило его в ивовой чаще.

Когда Бидвелл опустился на колени, чтобы отвязать веревку, его острый глаз заметил блеск золота в земле, всё еще прилипшей к влажному корню сосны. С внезапным убеждением, что он откопал свое состояние, шахтер вскочил в седло и поспешил обратно к тому месту, откуда было вырвано дерево. Когда он добрался до места, уже смеркалось, но он смог разглядеть золото в рыхлой породе, выстилавшей углубление, оставшееся от вырванного деревца. Слишком взволнованный, чтобы спать, он решил остаться со своей находкой до утра. Оставить ее не означало реального риска потерять, и все же он не мог заставить себя даже развести костер, боясь, что кто-то может прийти из темноты и оспорить его заявку.

Ночь была ужасно долгой, и когда южный пик старой Бланки начал мерцать, выступая из отступающих фиолетовых волн ночи, мозг человека онемел от догадок и неизвестности. Склоняясь над маленькой кучкой разбитой породы, которую он выгреб руками, он ждал в почти исступленном нетерпении восхода солнца.

На ощупь он мог определить, что руда относится к тому, что шахтеры его уровня называют «гнилым кварцем», и он знал, что она часто содержит самородное золото в огромных количествах. Она была такой рыхлой, что старик мог раскрошить ее в руках, и такой желтой от ржавчины, что при свете зари выглядела как комья глины. Случайный прохожий испугался бы за его рассудок, таким бледным было его лицо, такими налитыми кровью были глаза.

Наконец он снова смог разглядеть блеск золота. С каждой минутой, по мере того как свет прибывал, ценность руды возрастала. Она была буквально пронизана ржавым самородным золотом. Вся куча состояла из разрушенной порфировой жилы, и на виду были тысячи долларов. Когда его разум осознал эти факты, шахтер вскочил и пустился в пляс — но он не закричал!

Весь этот день он работал быстро, молча, как зверь, стремящийся уйти от врага, выкапывая эту породу и унося ее в укрытие в глубокой чаще неподалеку. Он не останавливался, чтобы поесть или попить, до середины дня, и то лишь потому, что шатался от слабости и руки уже не слушались. Поев, он заснул и не проснулся до глубокой ночи. Несколько минут не мог вспомнить, что с ним произошло. Наконец его удача снова стала реальной. Оседлав мула, он поехал вверх по ручью и пересек его в милях выше своей недавно открытой шахты, чтобы скрыть свои следы, и уже ближе к рассвету постучал в окно вдовы.

— Это ты, Шерм? — спросила она.

— Да. Вставай быстрее, у меня новости!

Когда она открыла ему кухонную дверь, она отшатнулась.

— Ради бога, человек, что ты с собой сделал?

— Тише! — резко приказал он и вполз внутрь, шатаясь под тяжестью одеяла, полного руды. — Тебе больше не нужно работать, Мэгги, я нашел его. Вот оно!

— Человек, ты сошел с ума! Что у тебя там? Не золото ли?

— Еще какое! Кварц, просто прогнивший от золота. Где я могу его спрятать? — Его манера была бы не более дикой, если бы его мешок с рудой был телом человека, которого он убил. — Быстрее! Уже почти рассвело.

— Дай-ка взглянуть. Не верю.

Он развязал одеяло, и когда углы развернулись, открыв красно-коричневую массу, даже ее неискушенные глаза увидели сверкающие зерна чистого металла. Она упала на колени и перекрестилась.

— Слава Марии! Где ты нашел это — и как?

— Ни слова об этом. Я напуган. Если кто-нибудь найдет это, пока меня нет, они смогут украсть тысячи долларов. Это как карман в россыпи! Достань мне все мешки, какие сможешь. Дай мне еды — и спрячь это. Там тонны этого! Это самое лучшее. Мы богаты — богаты как евреи, Мэгги!

Они работали быстро. Вдова опорожнила бочонок из-под сухарей, положила руду на дно, а затем насыпала сухари сверху на руду. Она выложила немного холодного мяса, хлеба и масла, и пока Бидвелл ел, она принесла все тряпки, которые могли служить мешками.

— У меня будет еще для тебя завтра. Хотела бы я пойти с тобой, Шерм. Мне бы хотелось запустить свои когти в эту землю.

— Мне нужна помощь, но я боюсь брать мужчину. Ну, я должен идти. Прощай. Я вернусь сегодня вечером с другой поклажей. Полагаю, старый Шерм всё еще стоит поцелуя — а, Мэгги?

— Убирайся. Разве ты не видишь, рассвет наступает? — Мгновение спустя она подбежала к нему и крепко обняла. — Вот — а теперь поторапливайся!

— Молчи!

— Как могила! — ответила она и повернулась, чтобы смести крошки от сухарей. — У этого чертова китайца острые глаза, — пробормотала она.

IV

Было неизбежно, что золотая тайна откроется. У других, кроме китайского повара, тоже были острые глаза, и вдова Делани становилась бледнее и раздражительнее с каждым днем. У нее был загнанный вид. Заметили, что она почти не выходила из кухни, и что на двери ее спальни появился новый замок. Каждую вторую ночь Бидвелл, изможденный и оборванный, скрытный, как взломщик, привозил шатающуюся под тяжестью мула поклажу с самой богатой рудой и прятал ее под полом лачуги и в спальне вдовы. К счастью, шахтеры спят крепко, иначе двух полуночных мародеров обнаружили бы уже на вторую ночь.

Однажды Джон, повар, схватился за бочонок из-под сухарей, намереваясь переставить его в другой угол. Он слегка дернул его, выглядел немного удивленным и приподнял посильнее. Бочонок не сдвинулся. Он заметил:

— Сухали очень тяжелый. Не понимай, сухали такой.

— Оставь это! — закричала миссис Делани. — Что ты дальше делать будешь, косоглазая обезьяна? Я скажу тебе, когда двигать вещи.

Испуганный китаец уступил в глубоком смятении.

— Я ходит подметать вокруг сухаля, понимай?

— Ну, подметать там я буду. Я прибила этот бочонок к полу специально. Оставь его в покое, слышишь?

Этот случай решил все. Той ночью, когда пришел Бидвелл, она выпалила:

— Шерм, я больше не могу этого выносить. Я так нервничаю, что не слышу жужжания мухи без того, чтобы горячие полосы не бегали вверх-вниз по моему позвоночнику, как маленькие красные змейки. И, человек, посмотри на себя. Ты оброс, как козел, а глаза твои как две белые луковицы. Я говорю, хватит, Шерм, дорогой!

— Что же нам делать? — спросил Бидвелл в тревоге.

— Делать? Я скажу тебе, что мы сделаем. Мы топнем ногой и скажем: «Да, это правда, мы нашли ее, и она наша». Потом я возьму упряжку в Лас-Анимас и погружу всё это перед лицом всего мира и поеду продавать, а ты зарядишь ружье и будешь стоять на страже у дыры в земле. Я совсем сошла с ума от этого воровского дела. Мы оба хуже осинового листика и такие же дрожащие. Ты сейчас же спускайся по тропе и приведи упряжку и крепкий фургон — никто не узнает, пока ты не подъедешь. А теперь иди!

Бидвелл подчинился ее ясным и разумным словам и уехал в прозрачную тьму летней ночи с чувством, что всё это сон — видение, подобное тем, что часто посещали его во время поисков в горах, но, когда наступил день и он оглянулся на красную яму, которую прорыл на зеленом склоне холма, реальность всего этого сжала его сердце и заставила его задохнуться. Его хранилище, его колодец золотых вод, был без охраны и открыт взору любого, кто случайно посмотрит в ту сторону. В порыве безумства он погнал своего старого мула в галоп.

Тем временем вдова приготовила завтрак для мужчин, и как только они ушли вверх по тропе, заставила пораженного и удивленного китайца вытаскивать мешки с рудой из-под лачуги и складывать их удобно у дороги. Она следила за каждым движением и отмечала каждый мешок, как грузовой клерк. «Силы небесные! Сколько же работы проделал этот человек!» — воскликнула она, имея в виду Бидвелла, который выкопал всю эту массу руды и тайком перенес ее от шахты до этого надежного укрытия.

Конечно, миссис Кларк, жена лавочника, увидела их за работой и пришла посмотреть, что происходит.

— Доброе утро, миссис Делани. Вы не собираетесь переезжать?

— Собираюсь.

— Жаль. В чем причина? Да это похоже на руду! — сказала она, вглядываясь в мешок.

— Это руда! И я собираюсь отправить ее на фабрику. У вас есть возражения? — спросила миссис Делани вызывающе.

— Откуда она взялась?

— Это мое дело. Там внизу есть еще один, — сказала она китайцу, и когда тот выполз, как чудовищный жук, таща пару штанов Бидвелла (набитых рудой), словно это был туловище человека, которого он убил и спрятал, миссис Кларк повернулась и бросилась к магазину, чтобы рассказать мужу.

— Вот так, теперь! — язвительно усмехнулась вдова Делани. — С нами покончено, скоро весь мир узнает об этом. Что ж — мы здесь первые, — вызывающе добавила она.

Кларк подошел, бледный от волнения.

— Дайте взглянуть на эту руду! — крикнул он, подбегая и кладя руку на мешок.

— Убери руку — и держись подальше! — сказала Мэгги, выхватывая револьвер из кармана. — Это моя руда, и ты оставь ее в покое!

Кларк в изумлении отшатнулся, но тревога вдовы защитить свое имущество чрезвычайно усилила его волнение.

— Руда, должно быть, очень богатая, — рассудил он. — Откуда мне знать, что она не с одного из моих участков? — спросил он.

Вдова сунула дуло револьвера ему под нос.

— Ты называешь меня воровкой? Хорошо, что Бидвелла здесь нет, он бы сделал больше, чем просто заставил понюхать пистолет. Занимайся своим делом — если дорожишь своей шкурой — и держись подальше от того, что тебя не касается.

Всё это было характерно несдержанно для Мэгги, и к тому времени, когда Бидвелл с грохотом подъехал по тропе с большим грузовым фургоном, все ущелье было взбудоражено, и дюжина мужчин окружила кучу мешков, на которой восседала миссис Делани, удерживая их на расстоянии.

Когда она услышала фургон, ее нервы немного успокоились, и она сказала более трезво:

— Парни, вон Бидвелл с фургоном, чтобы увезти это добро, и, Джонсон, помоги ему грузить, а я пойду насчет обеда.

Когда Бидвелл подъехал, по группе пронесся ропот изумления, и каждый высказался.

— Бид, в чем дело? Ты выглядишь, как мертвец.

— Я только начинаю жить! — сказал Бидвелл, и этот ответ долго помнили в Медвежьем ущелье.

— Ну, теперь вы все знаете, разини, беритесь и помогите человеку грузиться. Я мигом приготовлю вам обед, — повторила вдова.

Кларк отвел своих партнеров в сторону.

— Он принес эту руду сюда, он должен был оставить след. Пройдись-ка вверх по каньону и посмотри, не найдешь ли его. Это где-то поблизости.

Бидвелл увидел, как они совещаются, и крикнул:

— Можете не утруждаться, Кларк, я сам отведу вас на место после обеда. Моя заявка размечена и заявка подана — так что не пытайтесь выкинуть со мной никаких фокусов.

Глаза вдовы были столь же остры, и растущая алчность мужчин не ускользнула от нее. Выходя с большим мясным бутербродом, она произнесла:

— Нельзя садиться, Шерм, возьми это в руку и иди. Они все ускользнут, как змеи, если ты этого не сделаешь. Я возьму Джона и руду — мы как-нибудь справимся — и я останусь с ней, пока за нее не заплатят.

Она была права. Шахтеры боролись с демонами желания и были готовы броситься в любую минуту. Наскоро навьючив мула, Бидвелл направился вверх по тропе, говоря:

— Стройтесь за мной, парни, и не напирайте. Тот, кто попытается столкнуть меня с тропы, пожалеет.

Они были довольно тихи, пока он не свернул с тропы и не направился вниз к Медвежьему ручью. Тогда Джонсон закричал: «Я знаю, где это!» и с гиком ринулся в ивовые заросли, окаймлявшие ручей.

— Может, и знает, а может, и нет, — сказал Кларк. — Я буду держаться за Бидом, пока не пойму, где место.

Они соблюдали довольно приличный порядок, пока след Бидвелла не превратился в отчетливую линию, ведущую вверх по склону холма, тогда началась паника. С дикими воплями и звонкими шлепками по мулам они рассыпались, понеслись через вершину холма и исчезли, оставив Бидвелла плестись со своим нагруженным мулом.

Когда он подошел к своей шахте, люди уже вбивали колья в землю со всех сторон от открытого участка, а Кларк и Джонсон громко препирались о том, кто добрался до места первым. Подведя мула к скалистой стене, где он построил укрытие, Бидвелл распаковал свое снаряжение и, прислонив ружье к камню, сказал:

— Я здесь и останусь, соседи. Мои корни уходят глубоко под землю, и тот, кто попытается захватить этот участок, окажется в самой преисподней — вот так-то.

Как только их заявки были размечены и громкие разногласия утихли, у мужчин появилось время подойти и осмотреть открытый участок.

— Тебе повезло больше всех, — сказал Кэнтор, старый шахтер. — Вне твоей жилы может не оказаться ни унции золота. Странное образование, я не могу сказать, как она проходит.

К вечеру другие шахтеры ушли и вернулись в лагерь, оставив Бидвелла одного. Когда наступила темнота, он снова занервничал.

— Они бы убили меня, если б посмели, — бормотал он, сидя на корточках в своем укрытии, с ружьем на колене. Ему очень хотелось спать, но он решил не смыкать глаз. — Если бы у меня была собака — кто-то, кому я мог бы доверять, но нет ни души, — с горечью добавил он, чувствуя нарастающую слабость. Проклятие золота тяжело давило на него, и руки его ослабли от усталости.

— Я был дураком, что позволил Мэгги уехать с этой рудой, — бормотал он, мысленно следя за вдовой в ее опасном путешествии вниз по ущелью. Он не сомневался в ней, а лишь боялся, что та не справится с трудностями своей миссии. Лучшую часть своей жизни он искал металл у себя под ногами, и теперь, когда нашел, его кровь стыла от подозрения и страха.

Рассвет принес относительное чувство безопасности, и, разведя костер, он спокойно приготовил себе завтрак — хотя глаза его были беспокойны.

— О, они придут, — сказал он вслух. — Они нагрянут сюда через час-другой.

И они пришли. Мужчины из Делани пришли первыми, чуть позже за ними последовали их партнеры из верхних ущелий, а за ними — настоящие золотоискатели. Торговцы, клерки, наемные рабочие, парикмахеры, конюхи и полуголодные адвокаты из долинных городков хлынули вверх по тропе и, остановившись ровно настолько, чтобы увидеть блеск золота в отвале Бидвелла, набросились на землю, захватывая первый свободный смежный участок, не обращая внимания на его характер или формацию. Как только их колья были установлены, люди начали бродить, разгребая землю, как луговые собачки, и столь же безуспешно. Толпы самых любопытных окружили яму Бидвелла, ковыряясь в руде и наполняя воздух криками и вопросами, пока старик в отчаянии не приказал им убираться с его участка и не вывесил объявление:

«Держись подальше от этой земли, иначе будут неприятности!»

Своим друзьям он объяснил:

— Каждый кусок породы, который они уносят, стоит столько денег.

— У тебя здесь хватит, чтобы купить весь мир, парень, — запротестовал Ангус Крейг, старый шахтер с севера.

— Не знаю, хватит или нет, — рявкнул Бидвелл. — Может быть, это просто небольшая золотая брызга.

Той ночью все предгорья гудели от голосов и сверкали кострами. С безлесных долин внизу были видны эти огни, и тяжело груженные поезда Сан-Луисского подвоза тянули за собой громкое «аллилуйя», когда прибывающие старатели поднимали голоса в радостном приветствии тем, кто был на склоне горы.

— Это еще один Крипл-Крик! — закричал один человек, и крик достиг цели. — Мы при деле, — ликовали все.

Бидвелл не недооценивал свою значимость в этом натиске обезумевших от золота людей. Он был потрясен глубиной и силой потоков, стекавших к нему. Неделями он работал на пределе своих сил, без достаточного сна, и был смертельно уставшим, исхудавшим до костей и дрожащим от нервного истощения, но он был несгибаем. Долгая жизнь в лагерях, поисках и рытье траншей подготовила его выдержать даже это напряжение, и «оставаться на месте» было для него инстинктом. Поэтому он развел большой костер недалеко от шахты и расстелил там свои одеяла, но он не ложился до полуночи, и только потому, что не мог больше бодрствовать, даже сидя.

— Я должен спать, как бы то ни было, — бормотал он. — Я больше не могу этого выносить. Я должен спать... — И так его глаза закрылись.

Он был разбужен голосом, который знал, кричавшим:

— Так-то ты сторожишь свою шахту, Шерм Бидвелл? И, подняв глаза, он увидел вдову Делани, сидевшую верхом на муле и смотревшую на него с нежным весельем.

— Ты картина, право! Вылитый святой... или бродяга. Помоги мне слезть с этой скотины, и я возьмусь и состряпаю тебе завтрак.

Он, шатаясь, закованело поднялся на ноги и неуклюже приблизился к ней.

— Я только на минутку прикорнул, — извинился он.

— Бедный ты парень! — сказала она сочувственно. — Ты жесткий, как кочерга, от холода.

— Как ты управилась с рудой? — спросил он.

— Положись на свою Мэгги! Я проследила, как ее погрузили в вагон и отправили. Ей-богу, у меня была мысль поехать с ней на фабрику, но я говорю себе, Шерм и я не можем быть в двух местах одновременно. Так что я оставила эту затею и вернулась домой. Половину, конечно, украдут, но так уж устроен мир, черт бы его побрал!

Вдова была мощным подкреплением. Она приготовила завтрак, пока Бидвелл снова дремал, и с помощью горячего кофе и ласкового солнца фирма обрела уверенность, что удержит по крайней мере большую часть своего чудовищного везения.

— Не доверяй никому, кроме меня, — сказала вдова в решительном предупреждении. — Мир полон мошенников. Отныне рука каждого человека против твоего золота — норовит залезть к тебе в карман. Отдохни, а я позабочусь о золоте. Отныне мы работаем только головой.

Она действительно стала капитаном. По ее совету он послал человека за мешками для руды и инструментами, в то время как другие добровольцы взялись за строительство хижины, чтобы укрыть их.

— Мы не рискуем, — сказала она, — мы разбиваем лагерь прямо здесь.

В тот день Лас-Анимас, Крестон, Паудэр-Галч и Лос-Гатос опустели, их жители хлынули на холмы, и среди них были представители крупных фирм из Денвера, Колорадо-Спрингс и Пуэбло. Тропа мимо шахты «Мэгги» была протоптана глубоко ногами золотоискателей, а грубая загородка из жердей Бидвелла была отполирована нервным прикосновением жадных ладоней.

Около десяти часов тихий человек в сером костюме спросил Бидвелла, не хочет ли он продать. Бидвелл сказал: «Нет», коротко и резко, но Мэгги спросила с улыбкой:

— Сколько?

— Достаточно, чтобы обеспечить вас до конца жизни. Если жила так же богата, как этот образец, я рискну предложить пятьдесят тысяч долларов.

Мэгги фыркнула.

— Пятьдесят тысяч! Да я прошлой ночью отвезла на фабрику вдвое больше.

— Позвольте мне зайти и осмотреть шахту поближе. Возможно, я смогу повысить ставку.

— Не раньше, чем вы предложите сто тысяч, вы даже не взглянете на нее, — ответила она.

Приходили другие агенты — одни с доверительным тоном, другие с холодно-критичным, но все одинаково безуспешно. Эти двое «идиотов» не могли понять, зачем им передавать золото, которое лежит перед глазами, синдикату. Оно принадлежало им по праву, и хотя предложения далеко превосходили их представления, они отказывались их рассматривать.

Весь день в пихтах звенели топоры, и кирки работали в оврагах. Лагерное снаряжение, провизия и постельные принадлежности текли рекой на караванах мулов, и к вечеру город был в начальной стадии — палаточные магазины, салуны под открытым небом, закусочные и брезентовые гостиницы. Некоторые из прибывающих толп скептически относились к находке, но большинство шумно хвастались своими участками, и вокруг их вечерних костров собирались группы, чтобы ликовать по поводу своих потенциальных богатств.

Солнце уже село, но западный склон холма всё еще был залит светом, когда посланник Бидвелла с выючной лошастью, высоко нагруженной тюками мешков для руды, обогнул группу пихт на углу участка Бидвелла. За ним следовал высокий человек, который ехал с усталой сгорбленностью и нервно вцепившись в поводья.

Бидвелл уставился и воскликнул:

— Чтоб мне провалиться, если священники тоже не участвуют в этой спешке!

Вдова выглядела необычно румяной, когда решительно сказала:

— Я послала за ним, дорогой!

— Ты? Зачем?

Вдова подошла достаточно близко, чтобы взять его под руку.

— Чтобы обвенчать нас, Шерм, дорогой. Нет времени лучше, чем настоящее.

Бидвелл потянул себя за косматую бороду.

— Хотел бы я успеть немного принарядиться.

— Для этого потом будет много времени, — сказала она. — Иди, поприветствуй священника.

В присутствии старого Ангуса Крейга и молодого Джонсона они поженились, и когда священник звонко чмокнул миссис Бидвелл, она вытерла губы тыльной стороной ладони и сказала Бидвеллу:

— Теперь мы равные партнеры, Шерм, и все старые долги прощены.

А старый Ангус покачал головой и сказал:

— Хитрая девка, эта вдова!

Когда новость об этой свадьбе достигла лагеря, демоны смеха и беспорядка вырвались на свободу. Начавшись где-то вдалеке, сформировалось громкое шествие. С лагерными котлами вместо барабанов и осиновыми свистками вместо дудок, с кошачьими воплями и гиканьем вся эта слабо сплоченная армия старателей окружила маленькую бревенчатую хижину шахты «Мэгги» и заорала в диком разноголосье:

— Бидвелл! Выходи!

— Речь! Речь!

Бидвелл было собрался просунуть револьвер сквозь не проконопаченные стены и приказать толпе разойтись, но его жена была дипломатом.

— Это лишь предлог, чтобы выпить, — сказала она. — Иди, угости их.

Итак, Бидвелл вышел, и, пока пара дюжих друзей подняла его высоко, он крикнул резко и по делу:

— Я угощаю, Кларк!

Толпа, воя от восторга, набросилась на него и унесла старика, отбивающегося и брызжущего слюной, в салун Кларка, где были открыты бочонки с пивом и толпа сделала первый глубокий глоток. Бидвелл, тревожась за Мэгги, начал отбиваться, чтобы вернуться в хижину. Но раздались крики, требующие невесту.

— Невесту! Покажите невесту!

Бидвелл запротестовал.

— О нет! Оставьте ее в покое. Вы джентльмены? Если да, то не будете настаивать на том, чтобы ее видеть.

В гуще толпы раздался ясный голос:

— Невесту, говорите? Что ж, вот она я. Дорогу!

— Дорогу невесте! — заорали сотни голосов, когда Мэгги спокойно прошла по проходу, плотно огороженному стеной незнакомых мужчин. Она привыкла к таким типам за всю свою жизнь и знала их слишком хорошо, чтобы бояться. Взобравшись на пивной бочонок, она обратила к толпе свое благодушное лицо. Свет факелов осветил ее волосы, так что они засияли, как пряденая золотая нить, ореолом вокруг ее головы. Она выглядела очень красивой в теплом свете горящей смолистой сосны.

— О да, я скажу речь, я не боюсь горстки таких вот, как вы, зеленые новички из долины, и когда моя речь закончится, вы пойдете по домам и ляжете спать. Одиннадцать дней назад Шерм, мой мужчина, открыл эту жилу. С тех пор мы оба работали день и ночь, чтобы добыть руду — мы устали, как собаки — это правда — но мы разумные люди, и вот мы здесь. А теперь насмотритесь вдоволь и идите по домам и оставьте нас отдыхать — как велели бы вам ваши почтенные матери.

— Молодчина, Мэгги! — крикнул старый Ангус Крейг, стоявший рядом с ней. — Дайте дорогу, парни!

Мужчины открыли путь для жениха и невесты и подняли громоподобное «ура», когда они проходили.

Старый Ангус Крейг снова покачал головой и сказал Джонсону:

— Такая удача долго не продлится. Напасть на жилу и завоевать красивую девушку в один день, можно сказать. Однако он долго ждал и того, и другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.